

**СТРАТЕГИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АФИН
501-489 ГГ. ДО Н.Э.**

В статье исследовано положение стратегов, на фоне бурной политической жизни разыгрывавшейся в Афинах в первой декаде V-го в. до н.э., вплоть до 489 г. до н.э. Выяснено, что стратеги на протяжении большей части 490-х гг. до н.э. не обладали сколько-нибудь значительным влиянием на формирование внешней и внутренней политики в Афинах. По большей части в число стратегов попадали те или иные представители ведущих политических группировок Афин, которые собственно и действовали в их интересах. Но в связи с обострением внешнеполитической обстановки, ситуация в Афинах изменилась, на чем умело сыграл Мильтиад, который сумел сплотить вокруг своей персоны достаточно шаткую антиперсидскую коалицию. Находясь на должности стратега, он фактически, пускай и на короткий отрезок времени, занял место первого гражданина в Афинах. Однако будучи человеком чуждым демократии, Мильтиад не был простым бескорыстным служителем демоса, и задуманная им Паросская экспедиция вполне могла закончиться тем, что он бы смог бы основать в Эгеиде свой новый домен, взамен утраченному на Херсонесе Фракийскому.

Ключевые слова: военно-политические полномочия, коллегия стратегов, политическая группировка, политические союзники, внутренняя и внешняя политика.

Волканов Сергій

**СТРАТЕГИ У ПОЛІТИЧНОМУ ЖИТТІ АФІН
501-489 РР. ДО Н.Е.**

У статті досліджено положення стратегів, на тлі бурхливого політичного життя, яке розігрувалося в Афінах у першій декаді V-го

ст. до н.е. З'ясовано, що стратеги протягом більшої частини 490-х рр. до н.е. не володіли скільки-небудь значним впливом на формування зовнішньої та внутрішньої політики в Афінах. Здебільшого в число стратегів потрапляли ті чи інші представники провідних політичних угруповань Афін, які власне і діяли в їхніх інтересах. Але у зв'язку із загостренням зовнішньополітичного стану ситуація в Афінах змінилася, чим вміло зіграв Мільтіад, який зумів згуртувати навколо своєї персони досить хитку антиперську коаліцію. Перебуваючи на посаді стратега, він фактично, нехай і на короткий відрізок часу, зайняв місце першого громадянина в Афінах. Однак будучи людиною далекою демократії, Мільтіад не був простим безкорисливим служителем демосу, і задумана їм Пароська експедиція цілком могла закінчитися тим, що він би зміг би заснувати в Егеїді свій новий домен, натомість втраченому на Херсонесі Фракійському.

Ключові слова: військово-політичні повноваження, колегія стратегів, політичне угруповання, політичні союзники, внутрішня і зовнішня політика.

Volcanov Sergey

THE STRATEGOI IN THE POLITICAL LIFE OF ATHENS IN 501-489 BC.

The article explores the position of strategoi on the background of a turbulent political life unfolded in Athens in the first decade of the V-th century BC up to 489 BC. It is established that the strategoi for the most part of the 490th BC had no considerable influence in shaping domestic and in Athens. Mostly the title of the strategoi had been gained by these or those representatives of the leading political groups of Athens who actually acted in their interests. But due to the aggravation of the foreign policy, the situation in Athens has changed, and Miltiades managed to use it to rally around his person fragile anti-Persian coalition. Holding the position of a strategos he actually, albeit for a short period of time, became the first citizen of Athens. However, being a human far from the democracy Miltiades was not a simple selfless servant of the demos, and if the Parian expedition conceived by him would succeed he would get in the Aegean his new domain instead lost Thracian Chersonese.

Keywords: the military and political authorities, the office of strategoi, political group, political allies, domestic and foreign policy.

Постановка проблемы. В этой статье рассматривается политическая деятельность коллегии стратегов в 501-489 гг. до н.э. Чтобы вычлениить роль стратегов в Афинах начала V в. до н.э. придется коснуться вопроса политических группировок, которые в это время функционировали в городе. Это кажется важным и необходимым в данной работе т.к. большинство стратегов являлись ставленниками тех или иных политических группировок, следовательно, такие стратеги должны были являться выразителями политических взглядов своих сторонников. Заранее оговоримся, что собственно об участии коллегии стратегов в политической жизни Афин в рассматриваемый период практически ничего неизвестно, информация носит фрагментарный характер, за исключением лишь стратегии Мильтиада, впрочем, и здесь источники о многом умалчивают и подтасовывают факты. Именно поэтому здесь будет уделено особенное внимание Мильтиаду Младшему, и его роли на посту стратега в событиях 490/89 гг. до н.э.

Анализ последних исследований и публикаций. На сегодняшний день существует достаточное количество статей и монографий, освещающих историю Афин начала V в. до н.э., однако в большинстве из них, уделяется мало внимания коллегии стратегов. Тем не менее, эта проблема нашла отклик в доступных нам работах Н. Хаммонда, Д. Хэмел, и П. Бикнелла, которые основательно взялись за исследование положения и роли коллегии стратегов в Афинах V в. до н.э., в основном останавливаясь на военном аспекте их полномочий. Также проблема стратегов, так или иначе, затрагивается в биографических очерках И. Сурикова, В. Ставнюка, Дж. Маринколы, Дж. Фроста и Т. Уэйд-Джери, посвященным Мильтиаду, Фемистоклу и Аристиду. Рассматривая политическую обстановку в Афинах в начале V в. до н.э., нельзя обойти стороной исследования касающиеся битвы на Марафоне, (так как в связи с этим эпизодом впервые в истории Афин выступает значимость должности стратега), а именно уже упомянутого нами выше Н. Хаммонда, Р. Берна, Й. Шрайнера, Р. Лоудера, У. Ноу, Д. Гиллиса. Особенно следует отметить монументальный «Исторический комментарий на 6-ю книгу

Геродота» Л. Скотта, который является необходимым пособием для получения ясной картины в столь запутанном повествовании Геродота в его шестой книги «Истории».

Цель статьи. Целью статьи является: определить степень участия коллегии стратегов в политической жизни Афин, выяснили ли они влияние на формирование внутренней и внешней политики накануне Марафонской битвы 490 г. до н.э. и носила ли стратегия Мильтиада в себе тиранические задатки.

Изложение основного материала исследования. Начнем с того, что коллегия стратегов была официально создана в 501/0 г. до н.э. Источники говорят, что стратеги подчинялись полемарху, заметим, что это дискуссионный вопрос, с крайне противоположными точками зрения. В ходе реформы 501/0 стратеги приняли на себя все военное руководство над афинскими вооруженными силами. Полемарх же оставался главой коллегии стратегов лишь по имени, на самом же деле его функции в военном плане равнялись роли архонта-басилея, т.е. характер его полномочий был связан с религиозными обязанностями, которые в прежние времена, в военное время, предположительно исполнялись царями. Таким образом, полемарх исполнял все сакральные обязанности царя перед войском, в действительности же, он не обладал реальным исполнительным военным командованием, имея право только дополнительного голоса, когда мнения среди стратегов разделялись поровну [1, с. 123].

490-е годы до н.э. были непростыми в истории Афин. Внешнеполитические события происходившие в Греции и Ионии безусловно отражались на политической борьбе в Афинах, которая имела место в 490 гг. до н.э., раскалывая афинское общество на группировки симпатизировавшие персам, Писистратидам, лакедемонянам, либо тех кто собственнo отстаивал независимую позицию Афин на политической карте Эллады. Главные политические группировки Афин в 490-х гг. до н.э.: - 1) проперсидско-спартанская группировка возглавляемая Гиппархом сыном Харма, родственником Гиппия [2, с. 286]. 2) Также немалым влиянием в Афинах пользовалась группировка Алкмеонидов, возглавляемая Ксантиппом (скорее всего, их роль в афинской политической жизни первых годов V-го века до н.э. была определяющей). Они были антиспартански настроены и выступали за сохранение дружественных отношений с

Персией, что далеко не в последнюю очередь обуславливалось их экономическими интересами. Тем не менее, Алкмеониды, после того как Артафрен потребовал восстановления режима Гиппия в Афинах сумели убедить граждан отправить на помощь восставшим ионийцам 20 кораблей, так как возвращение Гиппия означало для них в лучшем случае изгнание из Афин. 3) И наконец третья политическая группировка Афин пестрая по своему социальному составу возглавляемая Фемистокло. По своим взглядам это была антиперсидская, и нейтрально настроенная к Спарте политическая сила.

Из стратегов первой половины 490-х гг. до н.э. известен Меланфий, который возглавлял эскадру посланную Афинами на помощь ионийцам. Геродот даёт ему краткую характеристику «ἄνδρα τῶν ἀστῶν ἑόντα τὰ πάντα δόκιμον» называя его как испытанного мужа среди всех горожан [3, с. 118]. О личности Меланфия практически ничего неизвестно, и выяснить ставленником какой политической группировки он был с полной достоверностью нельзя, однако здесь можно высказать некоторые предположения. Сохранились три остракона на которых значится имя Меланфия [7, с. 400], которого учёные идентифицируют с Меланфием стратегом 499/8 гг. до н.э. Его процесс происходил в 480 гг. до н.э., (хотя делались попытки перенести дату этой остракофории на 490 гг. до н.э., но общепризнанной датой проведения первого остракизма является 487 г. до н.э. [8, с. 73]). Интересно, что на одном из остраконов значится два имени Меланфий и Неокл. Ю. Вандерпул предположил, что этот случай можно трактовать так, что был ещё один Меланфий сын Неокла, или что участник голосования по своей рассеянности написал имя Неокла отца Фемистокла, последний мог также фигурировать в этой остракофории [9, стр. 400-401]. Ю. Вандерпул оставляет вопрос открытым, так как нет полной уверенности, что этот черепок является остраконом. Специалист в области остракизма в Афинах И.Е. Суриков на основании косвенных просопографических данных предполагает, что Меланфий сын Неокла является родственником Меланфия сына Фаланфа [2, с. 289]. Таким образом, Меланфий примыкал к тем политическим силам, которые во второй половине 490-х гг. до н.э. составили группировку Фемистокла. Такое предположение кажется вполне убедительным, так как после поражения восставших

малоазиатских греков у Эфеса афинская эскадра вернулась из Ионии, что лишь способствовало дальнейшим расхождениям в политических взглядах между Алкмеонидами и теми, кто впоследствии примкнул к Фемистоклу. Что же касается полномочий Меланфия на посту стратега, то они не выходили за свои рамки, и по сути, стратеги этого периода могут рассматриваться как ставленники своих политических группировок.

В такой непростой политической обстановке в Афины из Херсонеса Фракийского возвращается Мильтиад, происходивший из знатного рода Филаидов. Возвращение такого человека как Мильтиад не могло остаться без внимания со стороны политических группировок в Афинах, соответственно одни могли раздумывать над тем, чтобы заручиться его поддержкой в борьбе с политическими оппонентами, а Алкмеониды в первую очередь должны были рассматривать его как потенциального противника. Поэтому с определенной долей вероятности можно предположить, что Алкмеониды в лице своего представителя Ксантиппа привлекли Мильтиада к суду по обвинению в тирании в Херсонесе. Но Мильтиаду удалось оправдаться. Как сообщает Геродот, Мильтиад был избран стратегом вскоре после окончания своего процесса т.е. около 493/2 гг. до н.э. [3, с. 256], также он был стратегом в 490/89 гг. до н.э. Учитывая это можно сделать вывод, что Мильтиад не единожды переизбирался на эту должность в конце 490-х гг. до н.э., ведь законы не запрещали подобной практики. То, что Мильтиад в конце 490-х гг. до н.э. несколько раз занимал должность стратега свидетельствует о её значимости в это время, так как сомнительно, чтобы предводитель главной политической силы Афин занимал бы какую-нибудь второстепенную должность. Исходя из этого, следует заключить, что должность архонта была тем неудобной, что её занимать можно было лишь один раз, а Мильтиад, как уже известно, был архонтом в 524/3 гг. до н.э. Поэтому при поиске подходящей для себя должности, Мильтиад должен был остановиться на стратегии, как на наиболее ему подходящей. Таким образом, будучи государственным лицом, у него появился прямой доступ к формированию внешней и внутренней политики Афин. Так, представляется достоверным, что на посту стратега он наладил отношения с Лакедемоном. Возможно, что первыми плодами этого

союза была согласованная казнь персидских послов в Афинах и Спарте.

На основании сообщения Стесимброта можно получить представление насколько была прочна атиперсидская коалиция поддерживаемая Мильтиадом и Фемистоклом [11, с. 12]. На основании этого отрывка из Стесимброта можно прийти к выводу, что он относится ко времени архонтства Фемистокла, когда последний приступил к реализации своей морской программы, а Мильтиад оправдался в воздвигнутых на него обвинениях и приобрел значительное политическое влияние и, возможно, также должность стратега. Тогда действительно мог разгореться конфликт, описанный Стесимбротом, между Мильтиадом и Фемистоклом насчёт целесообразности укрепления Пирея. По сути оба политика стояли на одной позиции, а именно военного усиления Афин [12, с. 82] и концентрации сил ввиду возможной угрозы со стороны Эгины и Персии. Мильтиад мог воспринимать предложенную Фемистоклом программу как долгосрочную перспективу. Кроме того, этот поворот к морю, по своему первоначальному характеру скорее был защитный, чем наступательный. Мильтиад, только что потерявший свои заморские владения, мог стремиться к тому, чтобы каким-либо образом восполнить убытки [14, с. 97]. И в данной ситуации, его обращение к уже сформированной гоплитской фаланге не представляется чем-то удивительным. И, таким образом, он придал динамичность своим замыслам, при всеобщей напряженности, охватившей Афины, и из-за непростой внутри - и внешнеполитической ситуации. Что же касается Фемистокла, то ему пришлось временно прекратить свою морскую программу, уступив окончательно политическое лидерство Мильтиаду. По-видимому, такое решение нелегко ему далось, учитывая его амбициозность и честолюбие [12, с. 10]. Так что, из этого вытекает, что союз между Фемистоклом и Мильтиадом носил временный характер, который при достижении своей ближайшей цели должен был распасться.

Как уже известно, Мильтиад был избран стратегом на 490/489 гг. до н.э. Агрессия со стороны Персии уже приняла угрожающие обороты. На Афины и Эретрию была отправлена карательная экспедиция за то, что эти полисы поддержали восстание в Ионии, а положение афинян было отягощено тем фактом, что в 506 г.

до н.э. они дали «землю и воду» персидскому сатрапу Артафрену. В связи с такой внешнеполитической ситуацией не приходится сомневаться, что «партийная» борьба в Афинах с новой силой должна была оживиться. Мильтиад со своими сторонниками должен был проводить решительную политику, чтобы противодействовать потенциальной угрозе в лице проперсидской группировки. Прибытие опального тирана вместе с персами должно было навести афинян на мысль, что между этими двумя силами существовала определенная связь с целью ниспровержения с помощью персидского оружия демократии в Афинах и возрождения тирании Писистратидов. В случае осады Афин не исключено было предательство. Кроме того, афинский флот пока уступал финикийскому, оборонительные укрепления недостаточно прочны. Заметим, что среди стратегов назначенных на 490 г. до н.э. были, помимо Мильтиада, Стесилай [3, с. 268] и Аристид. Все трое возможно были политическими союзниками. Что же касается Кинегира [3, с. 268] и Эпизела [17, с. 256] то едва ли они были стратегами. [15, с. 358; 16, с. 432; 18, с. 56]. Приписываемая Фемистоклу стратегия находится под знаком вопроса, ввиду отсутствия достоверных сведений. Личности остальных стратегов 490 г. до н.э. неизвестны, и то, что часть из них была против Мильтиада не делает их в одностороннем порядке персофилами, им вполне мог быть присущ прагматизм и выжидательно – оборонительная позиция по отношению к персам [15, с. 381].

Несмотря на то, что антиперсидская коалиция Мильтиада и Фемистокла пользовалась в Афинах значительным влиянием, позволяя первому занимать несколько раз пост стратега, тем не менее, баланс сил был не настолько благоприятным, чтобы проводить без всяких препятствий свои решения. Здесь можно привести краткую реконструкцию событий предшествующих Марафону дней. Итак, понимая, что первой целью персов будет Эретрия, афиняне послали на Эвбею 4000 клерухов, однако этот корпус не мог существенным образом изменить там обстановку, так что они покинули остров и, следуя логике событий, пополнили афинское ополчение перед Марафонской битвой. Эретрия пала около 8 сентября 490 г. до н.э., а войско Датиса прибыло на Марафон приблизительно 11 или 12 сентября [21, с. 18]. Судя по всему, Мильтиаду удалось провести через народное собрание псефизму (так называемый декрет Мильтиада [19,

с. 33-34]). Основное содержание упомянутой псефизмы должно было сводиться к следующему: 1) мобилизация всех людских ресурсов, с целью чего было предоставлено гражданство части рабов [22, с. 252]. 2) Немедленное выступление ополчения из Афин на персов. Также, к этому времени относится эпизод из Корнелия Непота, в котором говорится, что когда еще стратеги пребывали в Афинах, то среди них было разногласие насчет того, следует ли выступать навстречу неприятелю, либо же остаться в городе [23, с. 380]. В итоге возобладало мнение Мильтиада, чему способствовало прибытие подкрепления из Платей, после чего афиняне выступили на Марафон. Если этот фрагмент соответствует исторической действительности, то он лишь в очередной раз служит доказательством напряженной политической ситуации в Афинах накануне Марафонского сражения. Кроме того, в составе коллегии стратегов, кроме сторонников Мильтиада, должны были находиться лица, которые могли относиться к другим политическим группировкам. На основании этого можно заключить то, что группировка Мильтиада в коллегии стратегов обладала примерно половиной мест, так как все стоявшие перед ней затруднения преодолевались с трудом.

Согласно Геродоту [3, с. 256], после того как войско выступило из Афин, стратеги отправили скорохода Фидиппида в Спарту за помощью. Интересно, что в этом случае не упоминается ни полемарх, ни экклесия. Можно ли это рассматривать как косвенное свидетельство того, что полномочия стратегов получили экстраординарный характер ввиду военного времени? По крайней мере, античная традиция молчит по этому поводу, однако если такое событие и имело место, то оно бы не противоречило характеру афинского государства. Так, десять стратегов под номинальным руководством полемарха должны были дополнять и уравнивать друг друга. Без сомнения, что среди всех стратегов наибольшим авторитетом пользовался Мильтиад, однако давать ему чрезвычайную магистратуру тогда никто не собирался. Так, в городе имелась достаточно серьезная оппозиция к Мильтиду, а также демос едва бы пошел на вручение экстренных военных полномочий Мильтиаду. Поэтому допустив в состав коллегии стратегов представителей различных политических сил и расширив их полномочия в связи с военным положением, афиняне свели весь риск к минимуму. Другой

вопрос - насколько это замечание Геродота относится к реалиям начала V в. до н.э. Не отражена ли здесь та роль, которую стратеги занимали в середине V в. до н.э. [15, с. 605].

Как можно заключить из нашего изложения, решающую роль в победе при Марафоне сыграла коллегия стратегов, из которых Мильтиад пользовался наибольшим влиянием, которое было обусловлено с одной стороны поддержкой своих политических союзников, а с другой стороны, как своим богатым жизненным опытом государственного деятеля, так и осведомленностью в тактике и стратегии ведения боя персами. В связи с Марафонской битвой нельзя умолчать о том, что якобы Алкмеониды дали сигнал щитом, после того как персы отошли на свои корабли и двинулись на Афины [3, с. 270]. Здесь нас лишь интересует вопрос, можно ли назвать Мильтиада ответственным за такую акцию дискредитации своих политических противников. Такое предложение может показаться привлекательным, однако оно маловероятно. Едва ли бы у Мильтиада оставались силы на то, чтобы строить интриги против Алкмеонидов, после того как ему удалось с трудом привлечь на свою сторону Каллимаха и создать в коллегии стратегов относительный консенсус. Далее, его внимание должно было быть целиком поглощено выстраиванием стратегии и тактики перед Марафонской битвой, а затем преследованием разбитого противника и быстрым отступлением в Афины, чтобы не дать персам возможности захватить беззащитный город, а также сковать действия сограждан, которых подозревали в симпатиях к персам и Гиппию. И все же, при этом Мильтиад не забыл сделать кое-какие распоряжения. Так, например, он оставил Аристида с его филой, (в чьей лояльности Мильтиад был не до конца уверен), сторожить добычу. Затем, если бы Мильтиада считали виновным в этой провокации, то этим фактом не преминули бы воспользоваться ранние апологеты Алкмеонидов, чтобы опровергнуть обвинение [25, с. 133]. Что если это был сигнал предназначавшийся спартамцам и афинянам? [2, с. 317]. Или если вообще не было никакого сигнала, и все это обвинение возникло в результате пропагандистских методов, которые мог использовать Фемистокл в своей успешной борьбе с Алкмеонидами и прочими политическими противниками в 480-х гг. до н.э. и, таким образом Мильтиад вовсе причастен к этому.

Казалось бы, с победой на Марафоне должен был вырасти

авторитет Мильтиада в Афинах. Соответственно с этим должно было возрасти честолюбие Мильтиада, так как он принес своему полису столь славную победу и мог ожидать, что благодарные сограждане окажут ему почести, которые бы выходили за рамки обыкновенных. Однако его ожидания не были оправданы. Характерен отказ афинян предоставить Мильтиаду масличный венок, когда тот потребовал его для себя, этим самым афиняне подчеркивали, что победа принадлежит всем горожанам, а не только Мильтиаду [2, стр. 318-319]. В этом можно усмотреть не стихнувшие опасения афинян насчёт тиранических замашек Мильтиада, его стремления быть первым среди равных, как это, по сути, и было в коллегии стратегов. Следовательно, намечался конфликт между сильной личностью и полисным коллективизмом, победа в котором осталась за последним. Эта была характерная тенденция для Афин V-го в. до н.э. и случай Мильтиада был одним из первых. Так как угроза прямого вражеского вторжения была отражена, то уже не было никакого смысла для поддержания антиперсидского альянса со стороны Фемистокла. Последний должен был отмежеваться от своего успешного старшего современника, так как его успех теперь означал для него пребывание в тени [26, с. 116]. А между тем срок отравления Мильтиадом должности стратега постепенно подходил к концу. Он выиграл битву, но ощутимых плодов она не принесла, лишившись владений в Херсонесе, ближайшие годы сулили ему лишь новый виток политической борьбы за лидерство в родном городе. В подобной ситуации у Мильтиада не было шансов установить тиранический режим в Афинах или спокойно наслаждаться плодами своей победы, если он хотел продолжать свою политическую карьеру. Чтобы упрочить своё положение, Мильтиаду требовался очередной громкий успех. Пока его популярность еще была достаточно высока, он уговорил афинян предоставить ему войско, деньги и 70 кораблей для экспедиции [3, с. 286]. Его требование было одобрено, тем более, что Мильтиад обещал своим соотечественникам, что намечаемая авантюра принесет им золото. И в том же 490 г. до н.э. афинская эскадра отплыла на Парос [28, с. 168]. Геродот говорит, что Мильтиад не сказал куда собирается повести афинскую эскадру. Это кажется несколько странным, что афиняне вот так без лишних вопросов утвердили проведение Мильтиадовой экспедиции, скорее всего решающим мотивом для демоса здесь был

грабительский рейд на острова. Пожалуй, Мильтиад поступал так намеренно, не давая повода для критики своим врагам [29, с. 573]. Нельзя скидывать со счетов, что противники Мильтиада специально не противодействовали его плану, ожидая от него любой ошибки, чтобы ее умело растушевать и преподнести демосу. Внешней причиной похода было то, что паросцы помогали персам в их карательном походе на Афины, хотя Геродот приводит здесь якобы другой повод для похода: личную месть Мильтиада [3, с. 286, 288]. Впрочем, Корнелий Непот, опирающийся на Эфора, сообщает, что целью экспедиции было не только покарать Парос, но и другие острова за поддержку, оказанную персам, и ко времени когда афинская эскадра причалила к Паросу некоторые острова уже были захвачены. Р. Девелин считает, что целью задуманной Мильтиадом экспедиции было заполучить контроль над рядом стратегических островов, которые использовались персами как морские базы в их рейдах по Эгейскому морю [29, с. 574]. Именно поэтому Мильтиад не сообщил демосу о цели своей экспедиции, потому, что в ином случае он бы не получил добро на реализацию своего плана, так как большая часть афинян не рассматривала персов как своих будущих потенциальных противников [29, с. 574]. Но как афиняне рассчитывали сохранить длительный контроль над рядом островов, учитывая превосходство финикийского флота и нежелание островных общин подчиняться господству афинян? Скорее всего, сообщение Корнелия Непота таит в себе ошибку, путая Мильтиада с Кимоном. Поэтому истинную причину похода Мильтиада следует искать в другом, а именно в стремлении Мильтиада выкроить себе новый домен, где бы он мог спокойно закончить свои дни, так как то положение, которое он занимал в Афинах, было шатким и ненадежным [30, с. 170]. Однако затея Мильтиада не удалась. Мильтиад получив ранение при осаде Пароса, возвращается в Афины, где против него был возбужден второй судебный процесс, среди его обвинителей значился Ксантипп. Мильтиаду выдвинули обвинение в обмане народа. Кроме того, его враги должны были постоянно твердить афинянам о прошлом Мильтиада и его правлении в Херсонесе. И, сыграв на страхе демоса, они не прогадали. В итоге, хотя Мильтиаду с помощью друзей удалось избежать смертной казни, он должен был выплатить крупный штраф – 50 талантов. Будучи не в

состоянии выплатить такую сумму, он попал в тюрьму, где и умер от полученной на Паросе раны.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Выше мы пытались изложить основные политические процессы, происходившие в Афинах в начале V в. до н.э. и то, какую роль в них играла коллегия стратегов. В условиях оживленной политической жизни в 490-х гг. до н.э. в числе стратегов, как правило, было не мало ставленников той или иной политической группировки. Фактически, коллегия стратегов в это время можно рассматривать как очередную арену, где в борьбе за места в ней должно было разворачиваться соревнование между группировками. И особое значение такие агоны должны были приобрести в последних годах первого десятилетия V в. до н.э. когда уже ни для кого не было особым секретом враждебное отношение Персии к афинянам. В данной ситуации ясно предстает важность занятия таким крупным лидером как Мильтиад должности стратега для оказания своего влияния на внешнюю и внутреннюю политику Афин. Именно сложившийся антиперсидский альянс и наличие в коллегии стратегов «своих людей», не говоря уже об личных достоинствах и знатном происхождении, позволили Мильтиаду занять лидирующее положение среди политиков в конце 490-х гг. до н.э.

Убедившись на опыте насколько сложна политическая обстановка в Афинах, и на то чтобы занять прочное положение в первом эшелоне политиков уходит слишком много времени и усилий, Мильтиад должен был искать другой выход, чтобы найти компенсацию своим утерянным владениям на Херсонесе Фракийском. И вполне правдоподобно, что именно с этой целью и задумывался поход в Эгеиду. И пока боевой пыл афинян не остыл и не закончился срок пребывания на посту стратега, Мильтиад отправляется на Парос, который положил конец его успешной политической карьере. Мильтиад был первым из стратегов, кто подвергся наказанию за неудачную экспедицию, хотя, казалось бы, что победа на Марафоне должна была с лихвой компенсировать провальную Паросскую операцию.

Литература

1. Hammond N. G. L. Strategia and Hegemonia in Fifth-Century

Athens. *The Classical Quarterly (New Series) / Volume 19 / Issue 01 / May 1969*, pp. 111-144.

2. Суриков И.Е. *Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика*; [отв. ред. Л.П. Маринович ; Ин-т. всеобщ. истории]. - М.: Наука, 2005. - 351 с.

3. Herodotus, Books V-VII: *The Persian Wars (Volume III)*, (Loeb Classical Library No. 119). Harvard University Press, 1938. – 592 p.

4. Aristotle: *Athenian Constitution. Eudemian Ethics. Virtues and Vices*. (Loeb Classical Library No. 285), 1935. – 512 p.

5. Блаватский В.Д. *Античная археология и история*. М.: Наука, 1985. - 280 с.

6. *The Cambridge ancient history. Volume IV.: Persia, Greece and the Western Mediterranean*. Edited by John Boardman. Sec. ed. Cambridge University Press, 2008. – 946 p.

7. Robinson C.A., Jr. *The Struggle for Power at Athens in the Early Fifth Century*. *The American Journal of Philology*, vol. 60, No. 2 (1939), pp. 232-237.

8. Hands A. R. *Ostraka and the Law on Ostracism — Some Possibilities and Assumptions // The Journal of Hellenic Studies*, 1959. Vol. 79. Pp. 69-79.

9. Vanderpool E. *Some Ostraka from the Athenian Agora. Commemorative Studies in honor of Theodore Leslie Shear (Hesperia Supplement VIII, 1949. - 433 pp, 64 igs.*

10. Robinson C.A., Jr. *Athenian Politics, 510-486 B. C.* *The American Journal of Philology*, Vol. 66, No. 3 (1945), pp. 243-254.

11. Plutarch, *Lives, Volume II*, (Loeb Classical Library No. 46). Harvard University Press, 1959. – 630.

12. Ставнюк В.В. *Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса*. Київ: Прайм-М, 2004. - 248 с.

13. Carawan E.M. *Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon* . *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. Vol. 28, No 2 (1987), pp. 167-208.

14. Gruen Erich S. *Stesimbrotus on Miltiades and Themistocles*. *California Studies in Classical Antiquity*, vol. 3 (1970), pp. 91-98.

15. Scott L.: *Historical Commentary on Herodotus Book 6*. Leiden/Boston: Brill 2005. XII, 716 pp. (Mnemosyne Suppl. 268).

16. Bicknell Peter J. *The Command Structure and Generals of the*

- Marathon Campaign. // *L'antiquité classique*, Tome 39, fasc. 2, 1970. pp. 427-442.
17. Plutarch: *Moralia*, Volume IV, (Loeb Classical Library No. 305). Harvard University Press, 1962. – 576.
18. Develin R. *Athenian Officials 684-321 BC*. - Cambridge University Press, 1989. – 556 p.
19. Hammond . N. G. L. *The Campaign and the Battle of Marathon*. *The Journal of Hellenic Studies*. Vol. 88 (1968), pp. 13-57.
20. Суриков И.Е. *Античная Греция : политики в контексте эпохи : время расцвета демократии / И.Е. Суриков ; [отв. ред. Л.П. Маринович]; Ин-т. всеобщ. истории РАН. — М. : Наука, 2008. — 383 с.*
21. Loader W.R. *Questions about Marathon*. Vol. 16, No. 46 (Jan., 1947), pp. 17-22.
22. Pausanias: *Description of Greece*, Volume III, Books 6-8 (Loeb Classical Library No. 272). Harvard University Press, 1933. - 448 p.
23. Cornelius Nepos: *On Great Generals. On Historians*. (Loeb Classical Library No. 467). Harvard University Press, 1929. - 368.
24. <http://www.forumromanum.org/literature/justin/texte2.html>
25. How W. W. *Cornelius Nepos on Marathon and Paros*. *The Journal of Hellenic Studies* Vol. 39 (1919), pp. 48-61.
26. Gillis D. *Marathon and the Alcmaeonids*. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, Vol. 10, No 2 (1969), pp. 133-145.
27. Frost F.J. *Themistocles' Place in Athenian Politics*. *California Studies in Classical Antiquity*. Vol. 1 (1968), pp. 105-124.
28. Hamel D. *Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period*. Leiden, 1998. - 250 p.
29. Develin R. *Miltiades and the Parian Expedition*. *L'antiquité classique*, Tome 46, fasc. 2, 1977. pp. 571-577.
30. Фролов Э.Д. *Парадоксы истории-парадоксы античности*. - СПб.: Издат. СПбГУ, 2004. 420 с.
2. Surikov I.E. *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi: arkhaika i rannaya klassika; [otv. red. L.P. Marinovich ; In-t vseobshch. istorii]*. - М.: Nauka, 2005. - 351 s.
4. Blavatskiy V.D. *Antichnaya arkheologiya i istoriya*. М.: Nauka, 1985. - 280 s.

12. Stavnjuk V.V. Femistokl i Afini: dijal'nist' Femistokla v konteksti evoljutsii afins'kogo polisa. Kiïv: Prajm-M, 2004. - 248 s.

20. Surikov I.E. Antichnaja Gretsija : politiki v kontekste `epohi : vremja rastsveta demokratii / I.E. Surikov ; [otv. red. L.P. Marinovich] ; In-t. vseobsch. istorii RAN. - M.: Nauka, 2008. - 383 s.

30. Frolov E.D. Paradoksy istorii-paradoksy antichnosti. - SPb.: Izdat. SPbGU, 2004. 420 s.

***Рецензент:** Попков В.В. д.філософ.н., професор Одеський національний університет ім.. І.І.Мечнікова*

2.11.2015